

18+

Василий Попков

БУНКЕР МНЕМОЗИНЫ

Василий Попков

Бункер Мнемозины

«Издательские решения»

Попков В.

Бункер Мнемозины / В. Попков — «Издательские решения»,

Четыре незнакомца получают приглашение на закрытый квест в заброшенном бункере. Приз — 10 миллионов. Правила — десять комнат, десять загадок. Но очень быстро игра превращается в кровавый кошмар: ведущий мертв, выход заблокирован, а по коридорам бродят монстры в противогазах. Чтобы выжить, бывшему следователю, архивисту, айтишнице и блогерше придется вспомнить то, что их связывает — крушение поезда №418 семь лет назад. Правда окажется страшнее любых монстров, а финал — абсолютно непредсказуемым.

© Попков В.

© Издательские решения

Содержание

Бункер Мнемозины	6
Пролог	6
Глава 1. Кворум	8
Глава 2. Первый труп	16
Глава 3. Холодный расчет	25
Глава 4. Вы все знали друг друга	35
Глава 5. Крики в темноте	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Бункер Мнемозины

Василий Попков

© Василий Попков, 2026

ISBN 978-5-0070-0190-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бункер Мнемозины

Пролог

15 октября 2015 года. 5:47 утра. Где-то между Москвой и Владивостоком.

Она проснулась от того, что перестали стучать колёса.

В детском сознании это не укладывалось — поезд всегда стучит, это как дыхание, как сердцебиение. А тут — тишина. И какой-то странный наклон. Будто вагон решил прилечь отдохнуть.

— Папа? — позвала Катя в темноту.

Никто не ответил. Только где-то далеко кричали люди, и пахло дымом.

Она выползла из-под одеяла и чуть не упала — пол уходил под ногами куда-то вниз. В тусклом свете аварийных ламп она увидела перевёрнутые чемоданы, разбросанные вещи и чью-то руку, неподвижно лежащую на полу.

— Папа! — закричала она громче.

И вдруг он появился из дыма — её отец, с окровавленным лицом, с безумными глазами. Он схватил её, прижал к себе и прошептал:

— Тише, доченька. Тише.

Он вытащил её из вагона через разбитое окно. Вокруг был лес, снег и люди — одни бежали, другие лежали. А третьи стояли. Странные люди в тёмной форме, без лиц, в чёрных масках. Они собирали выживших, грузили в машины и увозили в темноту.

— Папа, я боюсь, — прошептала Катя.

— Не бойся, — он сунул ей в руку что-то маленькое и холодное. — Спрячь это. Никому не показывай. Это наша тайна.

— Что это?

— Правда. Самая главная правда. Сохрани её, слышишь? Что бы ни случилось.

Она зажала флешку в кулачке и спрятала в карман пижамы. А через минуту к ним подбежали люди в масках и оторвали её от отца.

— Не трогайте папу! — закричала она, но её уже тащили к машине.

Последнее, что она увидела перед тем, как потерять сознание от страха и холода, — как её отец смотрит на неё сквозь толпу чужих людей и одними губами шепчет:

— Живи.

Она не знала тогда, что это была их последняя встреча на долгие семь лет.

И не знала, что та маленькая флешка, зажатая в детском кулачке, станет причиной смерти десятков людей, разрушит чужие судьбы и приведёт её обратно — в тот же лес, в бункер, к отцу, который уже не будет помнить ни её, ни той ночи.

Но это случится позже.

А пока маленькая девочка в пижаме с зайчиками засыпает в чужой машине, увозящей её в неизвестность, и ей снится сон, будто поезд всё ещё едет, колёса стучат, а папа сидит рядом и читает книжку.

Память — лучший убийца.

Она убивает медленно и без крови.

Глава 1. Кворум

Москва, Центральный государственный архив. 15:47

Пыль здесь была вечной. Она лежала тонким слоем на стеллажах, набитых делами прошлого века, на подоконниках, за которыми уже полгода никто не мыл стекла, и даже, кажется, в легких. Глеб давно перестал замечать этот запах — смесь старой бумаги, типографской краски, мышиного помета и собственного одиночества. Для него это был запах работы. Запах истины.

Он сидел за столом в своем закутке, отгороженном от основного зала шкафом с картотекой. На столе громоздились стопки газет «Известия» за 1987 год, подшивка «Огонька» времен перестройки и несколько запросов из налоговой, которые можно было выполнить «от фонаря», но Глеб, как всегда, вкалывал серьезно. Педантичность была не просто чертой характера — это была религия.

Он поправил очки в тонкой металлической оправе, взял в руку лупу и склонился над пожелтевшим листом. Где-то здесь, в отчете о надоях молока по Одинцовскому району, пряталась подпись человека, который потом станет фигурантом громкого дела о хищениях. Никому, кроме Глеба, это не было нужно. Налоговая просила справку о регистрации предприятия. Глеб искал душу.

— Глеб Борисович, — раздался над ухом дребезжащий голос вахтерши тети Зины.

Он вздрогнул. Лупа царапнула по газете.

— Теть Зин, я же просил стучать. Или звонить. У нас есть селекторная связь, — устало сказал он, не оборачиваясь.

— Да какая там связь, проводки одни, — тетя Зина, грузная женщина в синем халате, стояла на пороге и теребила край фартука. — Там вам принесли.

— Кто принес? Читальный зал уже закрыт, у нас только согласованные исследователи.

— Да не исследователь. Мужик какой-то. Станный. Сказал — лично в руки. И ушел сразу.

Тетя Зина протянула руку. В ее узловатых пальцах была зажата картонная папка. Старая, потрепанная, завязанная белыми тесемками. Такими папками в архиве было завалено все. Но эта... Глеб почувствовал что-то неладное еще до того, как взял ее в руки. Возможно, из-за взгляда тети Зины — смесь страха и любопытства. Возможно, из-за того, что на обложке не было никакого инвентарного номера. Только одно слово, выведенное черными чернилами от руки: «ГЛЕБУ».

И чуть ниже, еле заметно, карандашом: «Лично. Прочесть до 18:00 сегодня».

— Станный, говорите? — Глеб отложил лупу и взял папку. Картон был холодным и чуть влажным, будто ее несли под мышкой по морозу.

— Ага. В черном пальто. В очках, как вы. Только молодой. Спросил только: «Где тут у вас Глеб Борисович сидит?». Я показала, он сунул это и ушел. Даже расписываться не заставил.

Глеб кивнул, давая понять, что аудиенция окончена. Тетя Зина, поняв намек, попятилась и исчезла за шкафом. Тишина снова сомкнулась над архивом, но теперь она стала какой-то другой. Звонящей.

Глеб развязал тесемки. Внутри лежала тонкая стопка листов. Сверху — машинописная копия старой ведомости. Он пробежал глазами по строкам: список пассажиров поезда №418, сообщением Москва — Владивосток, дата отправления — 15 октября 2015 года. Сердце пропустило удар. Он моргнул, снял очки, протер их и надел снова. Ошибки быть не могло. Он знал этот список наизусть. Не потому что изучал его профессионально. А потому что сам был в нем.

Под фамилией «Соболев Глеб Борисович» стояла отметка «выжил». А ниже, через несколько строчек, шли фамилии тех, кто не выжил. Одна из них заставила воздух застрять в горле. Он перевернул страницу. Под ней лежала не газета, не ведомость, а современная фотография, распечатанная на лазерном принтере. На ней была изображена девушка лет двадцати пяти. Яркая, с нарочито небрежной укладкой, наклейками-звездочками под глазом и микрофоном в руке. Она кривлялась перед камерой на фоне какого-то заброшенного здания.

Внизу фото была подпись: «Екатерина Соболева (блогер KattySun). Твой единственный билет домой. Координаты и время — на обороте».

Руки Глеба задрожали. Екатерина Соболева. Его фамилия. Его дочь. Та, которую он похоронил мысленно семь лет назад, когда не нашел в списках выживших. Жена ушла от него через год после катастрофы, сказав, что жить с «пустым местом» не может. Он и стал пустым местом. Ушел в архив, в пыль, в прошлое. А она... жива?

Он перевернул фото. На обороте шариковой ручкой были нацарапаны координаты. Не улица и дом, а именно GPS-координаты. И время: «23:00. Не опаздывай. Она будет там».

Москва, офис частного детектива «Марго». 16:20

Офисом это называлось с большой натяжкой. Бывшая кладовка в бизнес-центре класса «С», где окно выходило в вентиляционную шахту, а мебель состояла из стола, двух стульев и кофемашины, которая плевалась больше, чем варила. Маргарита Сергеевна Соболев, для друзей — просто Марго, сидела в кожаном кресле, закинув ноги в грубых армейских ботинках на стол, и тупо смотрела в монитор.

На экране застыло лицо мужчины лет сорока. Он смотрел куда-то в сторону, на заднем плане виднелась кухня с дешевыми пластиковыми панелями. «Игорь, я знаю, что ты мне изменяешь, — читала Марго заключение эксперта-фоноскописта. — Голосовая эмоциональная окраска подтверждает высокую степень стресса объекта».

Очередной бракоразводный процесс. Муж изменяет. Жена хочет доказательства. Марго должна была снять его с любовницей. Она сняла. Получит свои пятьдесят тысяч, за вычетом налогов, и сможет заплатить за коммуналку. Блестящая карьера. Когда-то она ловила серийных убийц, а теперь ловит козлов в командировках.

Зазвонил телефон. Не служебный, а старый, личный, кнопочный, который она носила с собой на всякий случай. Номер определился как «Неизвестный». Она сбросила. Телефон зазвонил снова. Она снова сбросила. На третий раз она взяла трубку.

— Слушай, чувак, иди ты в жопу со своими кредитами, я никому не должна, — рывкнула она.

В трубке было молчание. Потом шипение, треск, и сквозь этот шум пробился голос. Тихий, сиплый, будто человек говорил через слой ваты.

— Марго... это я... ты должна была меня спасти... ты не спасла...

У нее похолодело внутри. Она узнала бы этот голос из тысячи. Сашка Ветров. Ее напарник. Тот, кто погиб пять лет назад в подъезде на Литейном, когда они брали наркоторговцев. Тот, кто умер у нее на руках от пули, которая предназначалась ей. Тот, из-за кого она уволилась из убойного.

— Какого хрена? — прошептала она. — Кто это?

— Ты не спасла меня, Марго. Ты сдала меня. Ты знаешь это. Приходи. Искупил.

Связь оборвалась. Она отбросила телефон, как змею. Сердце колотилось где-то в горле. Этого не могло быть. Сашка мертв. Она сама закрывала ему глаза. Она была на его похоронах. Она пила горькую полгода после этого.

Телефон пиликнул эсэмэской. Она дрожащей рукой взяла его. Сообщение с незнакомого номера: «Проверь почтовый ящик. Там флешка. Посмотри видео. Если хочешь знать правду — приезжай. Координаты и время придут через час на этот номер».

Марго вскочила, опрокинув стул, и вылетела в коридор. Почтовые ящики в бизнес-центре находились на первом этаже, в холле. Она, не дожидаясь лифта, сбегала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Ящик №14, арендованный на ее фирму. Она дернула дверцу. Внутри, поверх рекламных буклетов и счетов за интернет, лежала маленькая черная флешка.

Вернувшись в офис, она воткнула ее в компьютер. На экране появилось видео. Помехи, рябь, и затем изображение. Сашка. Живой. Он сидел в каком-то темном помещении, сгорбившись, опустив голову. Потом поднял глаза. Взгляд был пустой, стеклянный.

— Привет, Марго, — сказал он голосом, который она только что слышала по телефону. — Если ты это смотришь, значит, я уже мертв. По-настоящему. А то, что ты видела пять лет назад... это была инсценировка. Меня убрали свои же. Потому что я нашел то, что нашел. Тот поезд, 418-й. Помнишь? Ты вела это дело, пока тебя не отозвали. Я копнул глубже. И они узнали. Спасаться поздно. Но ты можешь узнать правду. Ты должна узнать. Приезжай сюда.

На экране побежали координаты и время — 23:00, тот же адрес, что будет и у Глеба.

Марго откинулась в кресле. Поезд 418. Дело, которое сломало ей карьеру. Которое она закопала так глубоко, как только могла. Она думала, что это была просто халатность, ошибка путейцев, списанная на ветхость. Но если Сашка прав...

Она посмотрела на монитор с застывшим лицом изменщика Игоря, потом на флешку. Пятьдесят тысяч рублей или правда о том, что сломало ей жизнь. Выбор был очевиден.

Технопарк «Сколково», офис компании «Киберпротект». 17:05

Лера ненавидела шум. Открытое пространство офиса, где сорок человек одновременно долбили по клавишам, говорили по телефону и пили кофе, действовал на нее, как наждачная бумага на нерв. Она сидела в самом углу, втиснувшись в кресло, и смотрела в три монитора. На левом — код, на центральном — схема сети, на правом — камеры наблюдения. Она любила контролировать всё.

В двадцать восемь лет она была ведущим специалистом по кибербезопасности. Мужчины в отделе ее побаивались: она видела дыры в защите там, где они видели только идеальный код. Она взламывала их системы просто ради развлечения, чтобы доказать, что они говно, а потом сама же и патчила.

В наушниках играл минимал-техно, заглушая офисный гул. Лера в сотый раз прогоняла скрипт, проверяя защиту периметра. Всё чисто. Скука. Вдруг на центральном мониторе, поверх рабочего окна, всплыл черный терминал. Это было невозможно. Система была изолирована, доступ извне заблокирован на физическом уровне.

Терминал мигнул. На нем появилась строка: «Привет, Лера. Давно не взламывали?»

Лера сняла наушники. Сердце забило быстрее, но не от страха — от азарта. Кто-то играет с ней? Она быстро пробежала пальцами по клавиатуре, пытаясь отследить источник. Сигнал уходил в никуда. Петлял по серверам по всему миру, но конечная точка была защищена так, как она не видела никогда.

Новая строка: «Не ищи. Не найдешь. У меня есть то, что ты ищешь пять лет. Поезд 418. Помнишь?»

Пальцы Леры замерли над клавиатурой. Поезд 418. Она помнила. Ей было двадцать три, она ехала на хакатон во Владивосток, чтобы показать свою первую серьезную программу — алгоритм шифрования, который должен был перевернуть рынок. Поезд сошел с рельс. Она выжила чудом. Но ее ноутбук с программой исчез. Вместе с ней исчез и шанс на мгновенный успех. Пришлось начинать с нуля, идти в обычную контору, пахать на дядю. Она всегда подозревала, что это не было случайностью. Что кто-то охотился за ее разработкой.

Строка на экране продолжала мерцать: «Твоя программа не сторела. Ее украли. Я знаю, где она. И знаю, кто это сделал. Хочешь узнать — приходи. Одна. Без хвостов. Иначе файлы уйдут конкурентам».

Ниже побежали координаты. Те же самые. Время — 23:00.

Лера усмехнулась. Кто-то очень хотел, чтобы она пришла. Хорошо. Она придет. Но не для того, чтобы получить ответы. А для того, чтобы найти того, кто посмел взломать ее святая святых — личный рабочий комп. Она выяснит, кто это, и уничтожит его. Профессионально и без жалости.

Она быстро написала ответ в терминале: «Я буду. Но ты даже не представляешь, во что ввязался, кусок дерьма».

Терминал погас. Мониторы снова показывали рабочий код и камеры наблюдения. Лера откинулась на спинку кресла. Вечер перестал быть томным.

Москва, квартира в ЖК «Небо». 18:30

Катя лежала на кровати в пижаме с единорогами и листала ленту в тиктоке. На ней было идеально чистое лицо без грамма косметики, волосы стянуты в небрежный пучок, а на тумбочке стоял остывший кофе. Дома она позволяла себе быть настоящей — уставшей, ленивой и бесконечно циничной.

На её аккаунт @katty_sun было подписано 2.3 миллиона человек. Она снимала челленджи, распаковки, дурацкие танцы и изредка — вылазки на заброшки. Именно экстрим приносил больше всего просмотров. Подписчики обожали, когда она тряслась от страха в темных подвалах. Это было честнее, чем реклама крема от морщин.

В этот день съемок не было, и Катя тупо зависала в телефоне, параллельно думая о том, что аренда этой двушки в башне и ипотека за студию для мамы в Подмоскowie скоро сожрут все бабки, если она не придумает новый вирусный контент.

Уведомление: Direct. Сообщение от аккаунта с названием «Mnemozina_Prod».

Она лениво ткнула. Аккаунт был пустой — ноль постов, ноль подписок, но галочка верификации стояла. Странно. В России такие галочки просто так не раздают.

Текст: «Екатерина, мы давно следим за вашим творчеством. Нам импонирует ваша смелость. У нас есть предложение для эксклюзивного контента. Оплата — 1 000 000 рублей. Условия: одна ночь на заброшенном объекте. Никакой цензуры. Полная свобода творчества. Если интересно — открывайте файл».

Катя села на кровати. Миллион. Один миллион рублей за одну ночь. Это даже не смешно, это офигенно. Она ткнула на файл. Телефон пиликнул, открывая карту с координатами. Теми же самыми. И время: 23:00.

Она тут же набрала своего менеджера:

— Аль, ты видела? Какие-то левые челы с галочкой кидают миллион за контент. Это развод?

— Кать, — голос Алины в трубке звучал устало, — я видела. Я пробила этот аккаунт. Он чистейший. И галочка настоящая, федеральная. Не знаю, что это за хрень, но если они правда готовы заплатить миллион... Сними. Только осторожно.

Катя сбросила вызов и уставилась на координаты. Какая-то промка за городом. Бункер старый. Место гиблое. Но миллион... Она вскочила с кровати, подошла к шкафу и начала кидать в рюкзак пауэрбанки, камеру GoPro, налобный фонарь, газовый баллончик и несколько

батончиков мюсли. Она была готова. Страх — это просто адреналин. Адреналин — это просмотры. Просмотры — это деньги.

Она бросила взгляд на фотографию на стене — старая, выцветшая, где она маленькая сидит на коленях у отца. Он держит ее за руку, они в поезде. «Поездка к морю», — гласила подпись на обороте. Это был 2015 год. Через два дня после того фото отец уехал в командировку во Владивосток и пропал без вести. Мать сказала, что он умер. Катя не верила. Она искала его потом, пробивала по базам, но ничего не нашла. Это была одна из причин, почему она стала блогером — чтобы стать известной, чтобы он, если жив, увидел ее и нашел.

Может, это шанс? Глупо, конечно. Но в глубине души она надеялась, что все эти тайны ведут к нему.

Заброшенный бункер, Московская область. 22:55

Глеб приехал первым. На своей старой «Ниве», которая дребезжала так, будто разваливалась на ходу, он подкатил к ржавым воротам КПП. Место было глухое. Лес, снег, тишина. Вдалеке виднелись бетонные сооружения, торчащие из-под земли, как зубы дракона. Старая воинская часть, законсервированная еще в девяностые.

Он выключил двигатель. Тишина навалилась тяжелой ватой. В свете фар мелькнула тень. Глеб напрягся, но это был просто заяц, выскочивший на дорогу.

Через пять минут подъехало такси. Из него вылезла Марго. В потертой кожаной куртке, с рюкзаком, настороженно озираясь. Она увидела «Ниву», подошла, постучала в стекло.

— Мужик, ты чего тут забыл?

Глеб опустил стекло.

— А вы? — спросил он сухо.

— Я первая спросила.

Они смотрели друг на друга. Оба чувствовали — этот вечер добром не кончится.

Подъехал еще один автомобиль — новенький «Мерседес» Леры. Она вышла, хлопнув дверью, окинула взглядом местность и сразу воткнулась в телефон — проверяла связь. Связи не было.

— Ну и дыра, — резюмировала она, ни к кому не обращаясь.

Последней, с опозданием в пять минут, приехала Катя. Ее привез здоровенный черный джип с тонировкой — каршеринг премиум-класса. Она выпорхнула оттуда, вся в розовом пуховике, с моноподом в одной руке и телефоном в другой.

— Опа, ничоси компания! — воскликнула она, увидев остальных. — А вы все тоже на квест? Круто! А кто организатор?

Марго нахмурилась:

— Какой квест?

— Ну, типа «Форт Боярд»? Мне сказали, эксклюзивный контент, заброшка, ночь, миллион. А вы кто? Актеры?

Лера хмыкнула:

— Миллион? Мне про программу украденную говорили. И про поезд.

Глеб переглянулся с Марго.

— Поезд 418? — тихо спросил он.

Марго кивнула.

— Ага. И видео от мертвого напарника.

— А у меня дочь, которую я считал погибшей, — глухо сказал Глеб.

Четверо стояли на морозе, и в голове у каждого медленно, но верно складывался пазл. Их собрали здесь не случайно. Их привели сюда ниточками из прошлого, за которые невозможно было не дернуть.

— Ладно, — сказала Лера, потирая озябшие руки. — Гадать будем или войдем? Там внутри, наверное, тепло. И ответы.

Они подошли к массивной герметичной двери, ведущей в основной бункер. На двери висел электронный замок с мигающим красным диодом и маленьким экранчиком. Ни ручки, ни засова.

— Давай, хакерша, открывай, — кивнула Марго Лере.

— Легко, — Лера достала из кармана какой-то девайс, подключила его к порту на замке. Экранчик мигнул, погас, потом загорелся зеленым. Надпись: «Доступ разрешен. Гости идентифицированы. Добро пожаловать».

Тяжелый металлический лязг. Замок щелкнул. Дверь медленно, с протяжным скрипом, поползла в сторону, открывая темный проем. Оттуда пахло сыростью, железом и еще чем-то сладковато-тошнотворным.

Катя включила камеру на телефоне, направила на себя:

— Всем привет! Мы на месте! Это будет жуть! Подписывайтесь!

Глеб шагнул первым. За ним, не сговариваясь, вошли остальные. Едва последняя — Катя — переступила порог, дверь за их спинами с тем же металлическим лязгом захлопнулась.

Свет погас. Наступила абсолютная, вязкая, как нефть, темнота.

А потом вспыхнули тусклые красные лампы аварийного освещения, выхватив из мрака длинный коридор, уходящий вглубь земли. В конце коридора что-то шевельнулось.

Глава 2. Первый труп

Бункер, коридор. 23:02

Красный свет аварийных ламп делал лица неузнаваемыми. Глеб стоял впереди, вжав голову в плечи, и пытался понять, откуда идет сладковатый запах. Из глубины коридора или это просто прелея за годы герметизации плоть бетона и ржавчины? Марго инстинктивно приняла стойку — ноги на ширине плеч, руки свободны, взгляд сканирует пространство. Лера до крови закусила губу и вглядывалась в темноту, пытаясь найти глазами хоть одну камеру, хоть один датчик движения. Катя, забыв про съемку, просто замерла, прижимая телефон к груди как крест.

— Ну и где ваш ведущий? — голос Леры прозвучал неестественно громко в этом бетонном мешке.

— Тсс, — Марго подняла руку. — Слышите?

Где-то в глубине, за несколькими поворотами, играла музыка. Старая, довоенная, какая-то пластинка с шипением и треском. Мелодия была смутно знакомая, но Глеб не мог ее идентифицировать. Что-то из репертуара Утесова, кажется.

— Ладно, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Раз нас пригласили, значит, нас ждут. Идем.

Он сделал шаг вперед, и остальные, не сговариваясь, двинулись за ним. Странно, как быстро в критической ситуации люди выбирают лидера, даже если этот лидер — пыльный архивист с тремором в пальцах.

Коридор петлял, ответвлялись какие-то технические проходы, заваленные мусором, старыми противогазами, проржавевшими койками. На стенах кое-где сохранились плакаты гражданской обороны — люди в ватниках тушат пожары, люди в ватниках строят баррикады, люди в ватниках улыбаются, глядя на ядерный гриб. Катя покосилась на один из них и поежилась.

— Жутковато тут, — шепнула она. — Прямо хоррор-квест уровня «Пилы».

— Если это квест, — хмуро отозвалась Марго, — то организаторы идиоты. Настоящий бункер, настоящая гермодверь, никаких пожарных выходов. Одно короткое замыкание — и мы тут заживо сгорим.

— Система безопасности автономная, — не оборачиваясь, бросила Лера. — Я видела щитки. Там старая проводка, но дублирующие контуры на аккумуляторах. Кто-то следит за этим местом. Оно не брошено, оно законсервировано.

— Откуда ты знаешь? — спросил Глеб.

— Во-первых, нет пыли на полу в том коридоре, где мы прошли. Во-вторых, замок работал от электроники. Значит, где-то тут есть серверная, которая питает всю эту хрень. И она работает.

Глеб остановился и посмотрел под ноги. Лера была права. В основном коридоре, куда они свернули, пол был чист. Абсолютно чист. Будто здесь только что прошлись шваброй.

— Значит, за нами наблюдают, — констатировала Марго.

— Бинго, — кивнула Лера.

Красный свет кончился так же внезапно, как и начался. Коридор вывел их в просторное помещение, которое когда-то, видимо, было столовой или актовым залом для личного состава. Высокие потолки, уходящие в темноту, длинные столы, составленные буквой П, на стене — огромный экран. В центре, прямо над одним из столов, висела массивная люстра советских времен — бронза, хрусталь, лампочки под свечи.

Лампочки горели. Свет был теплым, почти уютным. Контраст с красным коридором резал глаза.

— Ну здравствуйте, гости дорогие! — раздался голос из динамиков.

Все четверо вздрогнули и обернулись. Из-за тяжелой портьеры, отделяющей сцену от зала, вышел человек. Он был одет в строгий черный костюм-тройку, на лице — белая венецианская маска с длинным носом, закрывающая верхнюю половину лица. Губы, видневшиеся из-под маски, улыбались.

— Прошу прощения за антураж, — продолжал он, жестом приглашая их подойти ближе к столам. — Консервация объекта наложила свои ограничения. Но, согласитесь, атмосферно?

Катя, едва увидев человека, включила камеру. Это же контент! Загадочный ведущий в маске, старый бункер, таинственная атмосфера — подписчики будут в восторге.

— Вы организатор? — спросила она, наводя телефон на него. — Представьтесь, пожалуйста!

Человек в маске повернулся к ней, и даже сквозь прорези для глаз было видно, как весело он смотрит.

— Можно просто Ведущий, — сказал он. — Имена здесь не важны. Важны правила. И важны вы. Все четверо. В сборе. Это прекрасно.

Марго шагнула вперед, загоразивая Катю.

— Хватит цирка. Кто вы такой? Что вам нужно? И какого черта мы тут делаем?

Ведущий театрально вздохнул:

— Ах, эти бывшие следователи. Вечно они спешат. Садитесь, Маргарита Сергеевна. Присаживайтесь, Глеб Борисович. Валерия, прошу вас, не сверлите взглядом колонки — камер там действительно нет, я проверял. И вы, Катенька, можете снимать. Более того — я настаиваю. Пусть ваши подписчики увидят шоу века.

Он говорил с легкой хрипотцой, но голос был поставлен, профессиональный. Глеб отметил про себя: актер или телеведущий. Или тот, кто умеет держать аудиторию.

Они нехотя расселись за столом. Лера села так, чтобы видеть единственный вход в зал и портьеру, из которой вышел ведущий. Марго села напротив ведущего. Глеб — с краю, чтобы контролировать периметр. Катя просто села, где села, продолжая снимать.

Ведущий подождал, пока они устроятся, потом прошел в центр, встал под люстрой, и начал:

— Итак, правила просты. Как вы уже догадались, вы пришли сюда не случайно. Каждого из вас привело личное приглашение, апеллирующее к вашему прошлому. К тому, что вы потеряли. К тому, что ищете. Я ничего не буду отрицать: да, это я отправил эти приглашения. Да, у меня есть информация, которая вас интересует. И да, вы ее получите.

— С чего такая щедрость? — усмехнулась Марго.

— О, это не щедрость. Это сделка, — Ведущий поднял палец. — Информация, которую вы ищете, находится в этом бункере. Но чтобы до нее добраться, вам нужно пройти десять комнат. В каждой комнате — загадка, головоломка, связанная с вашим прошлым. С каждым из вас. Вы будете вспоминать. Вы будете страдать. Вы будете ненавидеть друг друга. Но если вы продержитесь двадцать четыре часа и пройдете все комнаты — вы получите не только правду, но и денежный приз. По десять миллионов каждому.

Катя ахнула. Лера приподняла бровь. Марго даже не шелохнулась. Глеб смотрел на ведущего в упор.

— Десять комнат, — повторил он. — А что, если мы не пройдем?

Ведущий развел руками:

— Ну, тогда вы не получите правду. И не получите деньги. И, вероятно, не выйдете отсюда. Но давайте не будем о грустном. Согласитесь, для вас это единственный шанс узнать, что случилось на самом деле с поездом 418.

Тишина повисла в зале. Даже Катя перестала дышать.

— Откуда вы знаете про поезд? — глухо спросил Глеб.

— Я знаю всё, Глеб Борисович. Я знаю, что вы потеряли в той катастрофе. Я знаю, что Маргарита Сергеевна скрывает. Я знаю, что украли у Валерии. И я знаю, кого ищет Катенька. И когда вы пройдете игру, вы тоже будете это знать.

Он сделал паузу, обвел всех взглядом.

— Итак, правила: десять комнат. Десять загадок. Двадцать четыре часа. Деньги получают все, если продержатся до конца. Никаких подвохов. Честная игра. Вы согласны?

Лера переглянулась с Марго. Та едва заметно кивнула — похоже, выбора не было. Глеб молчал, вцепившись в край стола. Катя, не отрываясь, снимала.

— Нам нужно время подумать, — сказала Марго.

— Время? — Ведущий рассмеялся. — Время — это единственное, чего у вас нет. Но хорошо. Я даю вам пять минут. Пять минут, чтобы принять решение. Только учтите: гермодверь, через которую вы вошли, уже заблокирована. Она откроется ровно через двадцать четыре часа. Или раньше, если вы выполните условия. Или никогда. Выбирайте.

Он отвернулся и направился к портьеру, откуда вышел.

— Стойте! — окликнула его Лера. — А если мы не хотим играть? Если мы просто посидим тут сутки и уйдем?

Ведущий остановился, не оборачиваясь.

— Посидите, — сказал он. — Только еды здесь нет. Воды нет. Тепло отключится через час. И, — он чуть повернул голову в профиль, — вы же не думаете, что я пригласил бы вас сюда просто так, без страховки? В бункере есть и другие обитатели. Они не такие дружелюбные, как я. И они очень не любят, когда нарушают правила.

— Другие обитатели? — переспросила Марго.

Но ведущий уже скрылся за портьерой. Тяжелая ткань колыхнулась и замерла.

— Вот дерьмо, — выдохнула Катя, выключая камеру. — Вы это слышали? Десять миллионов! Каждому!

— Заткнись, — оборвала ее Марго. — Ты вообще соображаешь? Это не квест. Это ловушка. Он сказал про других обитателей. И про то, что знает про поезд. Глеб, что ты молчишь?

Глеб поднял на нее глаза. Взгляд был пустой, отсутствующий.

— Я его знаю, — тихо сказал он.

— Кого?

— Голос. Я слышал этот голос. Там. В поезде. Перед самым крушением. Кто-то объявлял остановки. Диктор. У него была такая манера — растягивать гласные. Как у этого.

— Бред, — отрезала Лера. — Диктор поезда семь лет назад? Ты хочешь сказать, что нас заманил сюда покойник?

— Я ничего не хочу сказать, — Глеб потер виски. — Я просто констатирую факт. Голос идентичный.

— Ладно, — Марго встала. — Пять минут почти истекли. Надо решать. Варианта два: либо мы сидим тут и ждем, пока сдохнем от холода или эти самые «обитатели» нас не нашли, либо идем играть по правилам и ищем выход.

— У меня есть вариант три, — сказала Лера. — Я взломаю их систему и открою дверь сама.

— Ты же сказала, что связь заблокирована?

— Система управления дверью — это не связь. Это отдельный контур. Если я доберусь до серверной, я попробую.

— А где серверная? — спросила Катя.

— Понятия не имею. Где-то в глубине.

— Значит, нам в любом случае надо идти внутрь, — резюмировала Марго. — Либо за ключами, либо за серверной. Оставаться здесь — смерть.

— Идем, — неожиданно твердо сказал Глеб. — Я хочу знать правду. Я слишком долго ее искал.

Катя пожала плечами:

— Я за. Миллион лишним не будет.

Лера вздохнула:

— Черт с вами. Пошли.

Марго кивнула и направилась к портьеру, за которой скрылся ведущий.

— Эй! — крикнула она. — Мы согласны! Выходите, договариваться будем!

Тишина.

— Эй! — крикнула она громче.

Никто не отвечал. Марго рванула портьеру в сторону. За ней была стена. Глухая бетонная стена, покрашенная зеленой масляной краской. Ни двери, ни прохода. Ничего.

— Какого хрена? — выдохнула Лера.

— Он же вышел отсюда! — Катя подбежала и застучала кулаком по бетону. — Я видела! Он вышел и скрылся здесь!

Глеб подошел ближе, провел рукой по стене. Краска старая, местами облупилась. Бетон монолитный. Никаких щелей, никаких потайных панелей.

— Фокус с зеркалами? — предположила Лера. — Оптическая иллюзия?

— Какая, в жопу, иллюзия, — Марго отступила на шаг. — Он просто исчез. Как призрак.

— Или здесь есть другой выход, — Глеб опустился на колени и осмотрел пол. — Смотрите.

На полу, прямо у стены, лежала небольшая картонная бирка, какие вешают на багаж в поездах. Глеб поднял ее. На бирке был номер: «418». И дата: «15.10.2015».

— Он знал, — пробормотал Глеб. — Он знал, что мы это найдем.

В этот момент свет мигнул и погас. Наступила полная, абсолютная темнота.

— Спокойно! — крикнула Марго. — У кого есть фонарики? Включайте!

Катя судорожно зашарила по карманам рюкзака, нашла налобный фонарь, надела, включила. Лера достала телефон, включила подсветку. Глеб — маленький фонарик-брелок. Марго вытащила тактический фонарь, который всегда носила с собой.

Три луча заметались по помещению. В зале ничего не изменилось. Те же столы, та же люстра, только теперь лампочки в ней погасли.

— Смотрите! — Катя направила свет на потолок.

Все подняли головы. Там, под люстрой, на толстом бронзовом крюке, висело тело.

Человек в черном костюме-тройке. Белая венецианская маска все еще была на его лице. Из-под маски, по сорочке, по пиджаку, по брюкам, стекала темная жидкость. Она капала на пол, образуя лужу, которая медленно растекалась под ногами.

— Твою мать, — выдохнула Марго и рванула к телу.

Она подпрыгнула, схватила висящего за ноги, приподняла. Луч Леры скользнул по горлу. Огромная, рваная рана, от уха до уха. Кровь еще текла, теплая, пар поднимался в холодном воздухе.

— Он только что был жив, — сказала Марго, отпуская ноги. — Пять минут назад мы с ним разговаривали. Пять минут!

— Может, это не он? — пискнула Катя. — Может, это другой человек? В такой же одежде?

Лера подошла ближе, посветила на руки висящего. Руки были чистыми, без перчаток, пальцы с аккуратным маникюром. На безымянном пальце левой руки — обручальное кольцо.

— Это он, — сказала Лера. — Я запомнила кольцо. Он поправлял маску, и я заметила.

Глеб стоял в стороне, не в силах подойти ближе. Он смотрел на тело и не мог отвести взгляд. В голове пульсировала одна мысль: голос. Голос, который он слышал в поезде. Теперь этот голос замолк навсегда.

Марго, не обращая внимания на кровь, полезла в карманы висящего. Из пиджака достала бумажник. В бумажнике — водительские права на имя Сергея Викторовича Морозова, 1975 года рождения, москвича. Никаких других документов. Из внутреннего кармана — маленький диктофон. Она нажала кнопку воспроизведения.

Из динамика раздался голос, который они слышали пять минут назад: «Если вы это слышите, значит, меня уже нет в живых. Не ищите убийцу. Его здесь нет. Игра началась. Удачи».

Щелчок. Конец записи.

— Что за херня? — прошептала Катя. — Он знал, что умрет?

— Или сам себя убил, — предположила Лера. — Перерезал горло, повесился на люстре за пять минут?

— Невозможно, — отрезала Марго. — Я осматривала рану. Она нанесена не под тем углом, который возможен при самоубийстве. Ему резали горло сзади, лезвием, проведенным справа налево. Правша, стоящий за спиной.

— Значит, здесь есть кто-то еще, — Глеб наконец обрел дар речи. — Кто-то, кто следит за нами. Кто убил ведущего, пока мы говорили. И исчез.

— Или это был сам ведущий, — возразила Лера. — Мы не видели, как он вышел. Он мог забежать за портьеру, быстро смыть грим, переодеться в другого человека и выйти с другой стороны.

— А кто тогда висит на люстре? — резонно спросила Катя.

— Актер. Дублер. Подстава.

Марго покачала головой:

— Нет. Кровь настоящая. Труп теплый. Рана свежая. Это не подстава. Это убийство.

— Надо уходить отсюда, — Катя попятилась к выходу из зала, в коридор, откуда они пришли. — Надо бежать к двери, ломать ее, звать на помощь...

— Беги, — усмехнулась Марго. — Дверь герметичная, весит тонны три, и открывается только электроникой. Пока Лера не взломает систему, мы тут заперты.

— Так взламывай! — истерично крикнула Катя. — Взламывай скорее!

— Мне нужна серверная, — спокойно ответила Лера. — А серверная, судя по планировке таких бункеров, находится в самом низу. Минимум на третьем подземном уровне. Нам в любую сторону идти вглубь.

Глеб все еще смотрел на тело. Что-то было не так. Что-то, помимо голоса. Он сделал шаг вперед, поднялся на цыпочки, стараясь не наступить в лужу крови, и всмотрелся в лицо под маской.

— Помогите снять маску, — попросил он.

Марго подошла, ловко развязала тесемки, стянула маску. Под ней оказалось обычное лицо мужчины лет сорока пяти. Серые глаза, открытые, остекленевшие, правильные черты. Ничего примечательного.

— Вы его знаете? — спросила Марго.

Глеб покачал головой:

— Нет. Но... смотрите.

Он указал на шею убитого, чуть ниже раны. Там, на коже, была татуировка. Маленькая, незаметная, почти выпцветшая. Цифры: «418».

— Он был в том поезде, — прошептал Глеб. — Он выжил. Возможно, членом команды или одним из пассажиров.

— Или он работал на тех, кто устроил катастрофу, — жестко сказала Марго. — Ладно. У нас нет времени на расследование здесь. Надо уходить, пока убийца не вернулся.

Она повернулась и направилась к единственному выходу из зала — в коридор, ведущий вглубь бункера. Остальные, помедлив, двинулись за ней.

Последней шла Катя. Она шла, не оборачиваясь, но телефон в ее руке все еще снимал. Инстинкт блогера оказался сильнее страха. Она снимала труп, лужу крови, убегающих спутников. Это будет видео на миллион просмотров. Если она, конечно, выживет.

Они вышли в коридор. Красные лампы снова горели, освещая путь. Где-то далеко, в глубине, заиграла музыка. Теперь Глеб узнал мелодию. «Широка страна моя родная». Она звучала издевательски, жутко, не к месту.

— Стойте, — вдруг сказала Лера и замерла. — Слышите?

Все остановились. Из темноты, из-за поворота, донесся звук. Шаги. Тяжелые, шаркающие, медленные. Кто-то шел прямо на них.

— Бежим, — скомандовала Марго.

Они рванули вперед, в противоположную сторону, прочь от шагов. Коридор петлял, ответвлялся, они неслись, не разбирая дороги, пока не вылетели в еще один зал, поменьше первого.

Здесь было пусто. Только несколько стульев, стол и на стене — большая карта. Карта железных дорог СССР. И на ней, красным фломастером, обведен маршрут. Москва — Владивосток. И дата: 15 октября 2015 года.

— Это комната номер один, — прошептала Катя, показывая на табличку над дверью.

На табличке было выбито: «ЗАЛ ОЖИДАНИЯ. УРОВЕНЬ 1».

— Добро пожаловать в игру, — усмехнулась Марго. — Похоже, выбора у нас нет. Придется играть.

Она обернулась к двери, через которую они вбежали. Та была все еще открыта. Но в проеме, в полумраке коридора, кто-то стоял. Фигура в черном, с белым пятном лица.

— Ведущий? — выдохнула Катя.

Фигура шагнула вперед. Это был не ведущий. Это был кто-то другой. В такой же маске. В таком же костюме. Только на груди у него алело пятно — свежая кровь.

— Правила простые, — сказал он голосом, идентичным тому, что они слышали пять минут назад. — Десять комнат. Десять загадок. Двадцать четыре часа. Проигравших мы забираем с собой.

Он шагнул назад и исчез во тьме. Дверь медленно, с шипением пневматики, поползла, закрывая проход.

Глава 3. Холодный расчет

Бункер, комната №1 «Зал ожидания». 23:17

Лязг герметизации двери отозвался в груди физической болью. Кате показалось, что стальные створки сомкнулись не за спиной, а прямо у нее в черепе, отрезав последний кусочек надежды на то, что все это дурацкий розыгрыш, квест, съемки шоу, откуда можно уйти, хлопнув дверью.

— Нет, — выдохнула она и бросилась к двери.

Она заколотила кулаками по холодному металлу. Глухой, беспомощный стук разнесся по залу, но дверь даже не дрогнула. Толщина стали была не меньше десяти сантиметров. Такие двери ставят в бункерах, чтобы пережить ядерный удар.

— Откройте! — закричала Катя, пиная дверь ногой. — Слышите? Откройте, уроды! Я вам заплачу! У меня есть деньги! Миллион! Два! Откройте!

Голос срывался на визг. Она колотила до тех пор, пока костяшки не содрались в кровь. Красные разводы остались на сером металле, но дверь даже не дрогнула.

Лера стояла в стороне, прислонившись спиной к стене, и смотрела на Катю без всякого выражения. В ее глазах не было страха — только холодное, расчетливое любопытство. Она оценивала ситуацию, как оценивают взлом защищенной сети: искала уязвимости, просчитывала риски, ждала подходящего момента для атаки.

Марго уже взяла себя в руки. Истерика Кати ее раздражала, но она понимала — так работает психика. Кто-то бьется в дверь, кто-то впадает в ступор, кто-то лезет в телефон. Она окинула взглядом помещение: квадратные метры, высота потолков, вентиляция, возможные укрытия, возможные угрозы.

Глеб стоял неподвижно, глядя на дверь, через которую они вошли. Мыслями он был не здесь. Перед глазами все еще стояло лицо убитого под маской. Татуировка «418». Еще один пассажир того проклятого поезда. Сколько же их? Сколько человек связано с этой датой?

— Хватит орать, — резко сказала Марго, подходя к Кате и хватая ее за плечо.

Катя дернулась, пытаясь вырваться, но Марго держала крепко.

— Отпусти! Ты не понимаешь! Нас убьют! Здесь маньяк! Он убьет нас, как того мужика!

— Если ты не заткнешься и не дашь мне думать, он убьет нас гораздо быстрее, — спокойно ответила Марго. — А теперь сядь на стул и дыши. Глубоко. Вдох-выдох.

Катя всхлипнула, но послушалась. Ноги подкосились, она плюхнулась на первый попавшийся стул и уткнулась лицом в ладони. Плечи тряслись.

Лера отлепилась от стены и подошла к двери. Она провела рукой по стыку створок, нашла сбоку небольшую панель, нажала — панель откинулась, открывая электронный замок. Стан-

дартная армейская разработка, судя по виду. Такие ставили на объектах Министерства обороны в конце восьмидесятых.

— Ну что? — спросила Марго, подходя ближе.

— Есть контакт, — Лера уже доставала из рюкзака свой девайс — самодельный программатор, который она таскала с собой на всякий случай. — Дай мне пять минут.

— У нас их нет. Тот тип в маске сказал — двадцать четыре часа.

— Тип в маске — труп, — отрезала Лера, подключая провода к контактам замка. — А этот замок я могу взломать. Теоретически.

— А практически?

— Практически надо смотреть.

Она воткнула штекер в разъем, и на маленьком экранчике программатора побежали строки кода.

Глеб наконец отмер. Он подошел к Марго, которая стояла чуть поодаль, и тихо спросил:

— Вы правда думаете, что мы сможем отсюда выбраться?

— Не знаю, — честно ответила Марго. — Но сидеть и ждать смерти я не собираюсь. Я уже один раз так сделала. Больше не хочу.

— Про напарника? — осторожно спросил Глеб.

Марго резко повернулась к нему:

— А тебе какое дело?

— Никакого. Просто... мы все здесь в одной лодке. Если хотим выжить, нам придется доверять друг другу. Хотя бы немного.

Марго хмыкнула:

— Доверять? Я ментам с двадцатилетним стажем не доверяю, а ты хочешь, чтобы я доверяла незнакомым людям в подземном бункере с трупом?

— Я не прошу доверия. Я прошу информации.

— Информация — это валюта, Глеб. В такой ситуации особенно. А валюту просто так не раздают.

— Тогда давайте обмен, — предложил Глеб. — Я расскажу вам, что знаю о поезде 418. А вы расскажете, что знаете про напарника, и про дело, которое вели.

Марго посмотрела на него долгим взглядом. Что-то в этом пыльном архивисте было такое, что вызывало уважение. Не лез в душу, не паниковал, не пытался командовать. Просто предлагал сделку.

— Договорились, — кивнула она. — Но позже. Сначала надо понять, что тут происходит.

Катя подняла голову от ладоней. Лицо опухло от слез, тушь потекла черными дорожками.

— У кого-нибудь есть телефон? Мне надо позвонить. Хотя бы эсэмэску отправить. У меня батарея села.

— Здесь нет связи, — бросила Лера, не отрываясь от экрана. — Я проверяла, когда вошла. Глушат все диапазоны. Даже спутник не берет.

— А рация? — спросила Катя. — В таких бункерах всегда есть рации.

— Есть, — подтвердил Глеб. — Наверняка есть. Но они, скорее всего, в комнате управления. До которой нам еще добираться.

Катя снова уткнулась в ладони.

Марго тем временем достала из рюкзака перчатки — тонкие, медицинские, всегда носила с собой на всякий случай — и натянула их.

— Я пойду осмотрю тело, — сказала она. — Глеб, поможешь?

— Зачем? — удивился Глеб.

— Затем, что убийца мог оставить следы. А я все-таки следователь. Пусть и бывший.

Они вернулись в основной зал, где под люстрой все еще висел труп. Крови натекла уже приличная лужа, но с трупа капать перестала — видимо, вся стекла. Марго обошла тело по кругу, осмотрела пол.

— Следов нет, — констатировала она. — Только наши. И его. Убийца либо был в перчатках и не наследил, либо... либо это сделал не человек.

— А кто? — спросил Глеб.

— Не знаю. Механизм какой-нибудь. Ловушка.

Она подошла вплотную, приподняла подол пиджака убитого. В карманах брюк ничего. Во внутреннем кармане пиджака — только диктофон, который они уже нашли. В нагрудном кармане рубашки — маленькая иконка, Николая Чудотворца, старая, потемневшая от времени.

— Православный, — прокомментировала Марго. — Или просто суеверный.

Она осмотрела руки. Чистые, ногти ухоженные. На пальцах никаких следов борьбы, никаких царапин. Значит, либо не сопротивлялся, либо был застигнут врасплох.

— Рана, — продолжила Марго, всматриваясь в разрез на горле. — Нанесена профессионально. Одним движением, слева направо, сзади. Перерезана яремная вена и сонная артерия. Смерть наступила в течение минуты. Убийца знал, что делает.

— Медик? — предположил Глеб.

— Или мясник. Или военный. Или просто человек с опытом. Такое не в первый раз.

Она отступила на шаг и задумалась.

— Если убийца был здесь, когда мы говорили с ведущим, значит, он прятался где-то в зале. За портьерой, за столами, в вентиляции. И появился сразу после того, как мы вышли. Или... или он был среди нас.

Глеб вздрогнул:

— Вы думаете, это кто-то из наших?

— Я думаю, что пока нельзя исключать никого, — жестко сказала Марго. — Мы знаем друг друга час. У каждого из нас есть мотив прийти сюда. У каждого есть тайны. И у каждого есть возможность убить.

— Но зачем? — Глеб покачал головой. — Зачем убивать ведущего? Он сам нас сюда пригласил. Он обещал ответы.

— Может, он обещал слишком много. Может, ответы были опасны для кого-то. Может, он собирался рассказать то, что не должен был.

Марго сняла перчатки и спрятала их в карман.

— Ладно. Тут мы ничего больше не найдем. Пошли к остальным.

Они вернулись в зал ожидания. Лера все еще колдовала над замком, но вид у нее был неважный. Хмурый, сосредоточенный, с ноткой разочарования.

— Ну что? — спросила Марго.

— Динамический ключ, — ответила Лера, не оборачиваясь. — Каждые пять минут код меняется. Генерируется случайным образом. Чтобы открыть дверь, нужно либо знать алгоритм генерации, либо получить текущий код от центрального сервера.

— А сервер где?

— Внизу. Где-то в недрах бункера.

— То есть мы не можем открыть дверь отсюда?

— Можем, если я подключусь к серверу. Но для этого мне нужен доступ к сети. А сеть здесь локальная, физическая. Надо искать серверную.

— Замечательно, — вздохнула Марго. — Значит, нам в любом случае надо идти вглубь.

Катя подняла голову:

— А если там этот... в маске? С ножом?

— Значит, будем осторожны, — отрезала Марго. — Лера, сколько у нас времени до следующей смены кода?

— Две минуты.

— Отлично. Когда сменится, запомни цифры. Может, пригодятся.

Лера кивнула и уставилась на экран. Через полторы минуты цифры на дисплее моргнули и сменились. Она быстро сфотографировала их на телефон.

— Готово.

— Теперь надо решить, что делать дальше, — Марго обвела взглядом помещение. — У нас есть первый зал. Надо его осмотреть. Вдруг тут есть подсказки, ключи, или еще что-то полезное.

— Смотрите! — вдруг воскликнула Катя.

Она сидела на стуле и смотрела на стену. Там, на карте железных дорог, что-то изменилось. Когда они вошли, на карте был просто обведен маршрут. Теперь же, поверх него, загорелись красные лампочки. Маленькие, едва заметные, вделанные прямо в карту.

— Было не так, — подтвердил Глеб.

Они подошли ближе. Лампочки горели вдоль всей трассы Москва-Владивосток, но особенно ярко — в нескольких точках. Глеб насчитал их десять. Ровно десять.

— Десять комнат, — прошептал он. — Десять остановок.

— Что? — не поняла Лера.

— Поезд 418. Он шел через всю страну. Останавливался на станциях. Я помню расписание. Вот смотрите, — он ткнул пальцем в карту. — Первая остановка — Владимир. Вторая — Нижний Новгород. Третья — Киров. Четвертая — Пермь. Пятая — Екатеринбург. Шестая — Тюмень. Седьмая — Омск. Восьмая — Новосибирск. Девятая — Красноярск. И десятая — Иркутск. Дальше поезд шел без остановок до Владивостока.

— И что? — спросила Марго.

— А то, что катастрофа произошла где-то между Иркутском и Владивостоком. После последней остановки. То есть, если мы идем по маршруту поезда, то десятая комната — это место крушения.

— Ты хочешь сказать, что этот бункер — копия маршрута? — уточнила Лера.

— Или что каждая комната посвящена одной станции. И в каждой мы должны что-то найти. Воспоминания. Улики. Что-то, что связано с тем местом.

Марго задумалась. В этом была логика. Жуткая, извращенная, но логика. Кто-то потратил годы, чтобы создать этот бункер, эту ловушку. Кто-то очень хотел, чтобы они прошли этот путь заново.

— А что это за штука? — Катя подошла к столу, стоящему в центре комнаты.

На столе лежала стопка старых газет, пожелтевших, рассыпающихся. И маленький чемоданчик, обтянутый коричневым дерматином, точно такой, с какими ездили в поездах в советское время.

Глеб взял верхнюю газету. «Известия», датированная 16 октября 2015 года. Заголовок: «Крушение пассажирского поезда под Иркутском: 30 погибших, 50 раненых».

У него перехватило дыхание. Он перелистнул. Дальше шли газеты за последующие дни. Расследование, версии, официальные заявления. «Причина крушения — изношенность путей», «Виновные наказаны», «Памяти погибших».

— Здесь вся подшивка, — сказал он. — Все, что писали об этой катастрофе.

— Дай сюда, — Марго взяла газету и пробежала глазами по тексту. — Обычная журналистика. Ничего особенного.

— А это? — Лера открыла чемоданчик.

Внутри лежали вещи. Старые, потертые, но явно принадлежавшие кому-то. Часы мужские, механические, остановившиеся на 15:47. Очки в металлической оправе, разбитые. Фотография, на которой молодая женщина держит на руках ребенка. И маленькая кукла, пластмассовая, с оторванной рукой.

Катя ахнула и схватилась за сердце.

— Это... это чьи-то вещи. Погибших?

— Похоже на то, — кивнул Глеб. — Скорее всего, личные вещи, которые нашли на месте крушения.

— Зачем они здесь? — спросила Лера. — Зачем хранить это?

— Чтобы мы помнили, — тихо сказал Глеб. — Чтобы мы знали, что это не просто цифры в сводках. Это люди. У каждого была своя жизнь, свои мечты, своя семья.

Он взял в руки фотографию. Женщина с ребенком. Примерно те же годы, что и его дочь. Если бы Катя выжила, ей сейчас было бы столько же, сколько этому ребенку на фото. Если бы Катя выжила...

Он положил фото обратно и вдруг замер.

На дне чемоданчика, в углу, лежал маленький бумажный прямоугольник. Билет. Старый, пожелтевший, с надорванным краем. Глеб протянул руку и взял его.

Это был железнодорожный билет. Москва — Владивосток. Поезд №418. Вагон №7. Место №12. Дата отправления: 15 октября 2015 года. Имя пассажира: Соболев Глеб Борисович.

У него подкосились ноги. Он оперся о стол, чтобы не упасть. Это был его билет, с которым он ехал в том проклятом поезде. Он потерял его в катастрофе. Или думал, что потерял.

— Что там? — спросила Марго, заметив его состояние.

Глеб молча протянул ей билет. Она взглянула, и брови поползли вверх.

— Твой билет? Откуда он здесь?

— Не знаю, — голос Глеба сел. — Я думал, он сгорел. Или остался в поезде. Я не брал его с собой, когда выбирался. Он остался в кармане куртки, которую я снял в вагоне.

— Значит, кто-то забрал его с места крушения, — заключила Лера. — Кто-то собирал вещи выживших и погибших. И хранил их здесь. В этом бункере.

— Зачем? — спросила Катя. — Зачем хранить чужие вещи?

— Как трофеи, — мрачно сказала Марго. — Маньяки так делают. Забирают что-то у жертв. Чтобы помнить. Чтобы возвращаться к воспоминаниям.

— Но я не жертва, — возразил Глеб. — Я выжил.

— Может, для него ты жертва. Может, он считает, что ты не должен был выжить. Может, он собирается исправить эту ошибку.

Катя снова всхлипнула. Лера сжала зубы. Марго положила билет на стол.

— Спрячь, — сказала она Глебу. — Это улика. И возможно, ключ к разгадке.

Глеб молча взял билет и сунул во внутренний карман пиджака. Бумага была холодной и чуть влажной, будто только что из лужи крови. Но билет был сухим. Совершенно сухим.

Странно.

Он обернулся к выходу из зала, туда, где висел труп. Там, в луже крови, на полу, он заметил что-то еще. Маленький, блестящий предмет. Он подошел ближе, нагнулся. Это была

монета. Старая, советская, десять копеек 1985 года. Она лежала прямо в луже, но на ней не было крови. Словно ее положили туда после того, как кровь натекла.

Глеб поднял монету, вытер о штанину и повертел в пальцах. Обычная монета. Таких миллионы. Но почему она здесь? И почему в крови?

Он сунул монету в карман, рядом с билетом.

— Нашел что-то? — спросила Марго, подходя.

— Монету. Старую. В луже крови.

— Странно. Дай посмотреть.

Глеб протянул монету. Марго осмотрела ее со всех сторон, потерла пальцем.

— Ничего особенного. Но если она в крови, значит, либо у убитого была в кармане и выпала, либо убийца обронил.

— Или положил специально, — предположила Лера, подходя. — Как знак. Как послание.

— Кому?

— Нам.

В зале повисла тишина. Каждый думал о своем. О том, что кто-то играет с ними. Кто-то, кто знает о них всё. Кто-то, кто собрал их здесь, как фигурки на доске, и теперь двигает, куда хочет.

— Ладно, — Марго хлопнула в ладоши, разряжая обстановку. — Хватит гадать. Надо двигаться дальше. Лера, сколько у нас времени до следующей смены кода?

Лера глянула на программатор:

— Четыре минуты.

— Отлично. Значит, у нас есть четыре минуты, чтобы решить, куда идти. В этом зале есть другие выходы?

Они осмотрелись. Кроме двери, через которую вошли, в зале было еще два проема. Один вел в темный коридор, другой был закрыт тяжелой металлической решеткой.

— Коридор, скорее всего, ведет дальше вглубь, — предположил Глеб. — А решетка... может, вентиляция или технический отсек.

— Лезу туда? — спросила Катя.

— Нет, — отрезала Марго. — Сначала проверим коридор. Если там тупик или ловушка, вернемся.

Она подошла к проему и посветила фонарем. Коридор уходил в темноту, теряясь за поворотом. Стены бетонные, пол металлический, рифленый, как в цехах. Где-то вдали слышался гул — работали генераторы.

— Похоже, там есть жизнь, — сказала Марго. — Идем.

— А если там тот... в маске? — снова спросила Катя.

— Значит, будем готовы.

Марго достала из рюкзака небольшой баллончик с перцовым газом и нож-бабочку, который ловко раскрутила в руке.

— Кто-нибудь еще умеет обращаться с оружием?

— Я стреляла в тире, — робко сказала Катя.

— Стрелять не из чего. Лера?

— Компьютерная мышка — мое оружие, — усмехнулась Лера.

— Глеб?

— Я могу ударить тяжелым предметом.

— Сойдет. Держитесь за мной, не отставайте, смотрите по сторонам. Если что-то увидите — кричите.

Она шагнула в коридор. Остальные, помедлив, двинулись за ней.

Коридор оказался длиннее, чем казалось. Они шли минут пять, минуя ответвления, запертые двери, ржавые трубы на стенах. Гул генератора становился все громче.

— Там должен быть машинный зал, — сказала Лера. — Дизельная. Если повезет, найдем топливо, инструменты, может, даже оружие.

— Или трупы, — мрачно добавила Катя.

— Оптимистка.

Они свернули за угол и оказались в тупике. Перед ними была еще одна герметичная дверь, поменьше первой, с табличкой: «ДИЗЕЛЬНАЯ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

— Открывается? — спросила Марго.

Лера подошла к замку. На этот раз он был механический, старый, с обычным колесом-штурвалом.

— Крути.

Марго ухватила за штурвал обеими руками и с усилием повернула. Механизм заскрипел, но поддался. Дверь медленно открылась.

За ней было машинное отделение. Огромные дизельные генераторы, покрашенные в зеленый цвет, гудели, работая. Вокруг — цистерны с топливом, щиты управления, куча всякого железа. И свет. Нормальный, белый свет от ламп дневного освещения.

— Есть контакт, — выдохнула Лера. — Здесь есть сеть.

Она бросилась к щиту управления, нашла разъем, подключила программатор.

— Ну же, давай, — бормотала она, глядя на экран. — Покажи мне, где ты, родимый...

На экране побежали строки.

— Есть! — воскликнула она. — Я в системе! Сейчас попробую найти серверную.

В этот момент свет мигнул и погас. Генераторы затихли. Наступила полная темнота и тишина.

А потом, в этой тишине, раздался голос. Тот же, что и в зале. Ведущего.

— Первая загадка решена. Вы нашли дизельную. Но чтобы свет зажегся снова, вы должны ответить на вопрос. Кто был первым пассажиром, погибшим в поезде 418? У вас есть три минуты. Время пошло.

И свет зажегся. Яркий, ослепительный.

А в центре дизельной, на полу, лежало тело. Еще одно. Человек в форме проводника, с перерезанным горлом. Рядом с ним — чемоданчик, точно такой же, как в зале ожидания. Открытый. Внутри — фотографии. Много фотографий. Всех их. Глеба, Марго, Леры, Кати. Снимки сделаны в разные годы, в разных местах. Кто-то следил за ними давно. Очень давно.

Катя закричала.

Глава 4. Вы все знали друг друга

Бункер, комната 418. 23:51

Тьма внутри комнаты была особенной. Не просто отсутствие света, а что-то плотное, осязаемое, будто пространство заполняли невидимые субстанции, которые давили на барабанные перепонки и заставляли сердце биться чаще. Лучи фонарей прыгали по стенам, выхватывая из мрака фрагменты реальности, которая никак не хотела складываться в единую картину.

Глеб вошел первым, движимый не столько храбростью, сколько профессиональным любопытством архивиста. Номер 418 преследовал его последние семь лет. И вот он здесь, перед дверью с этим числом. Не мог не войти.

За ним, держа пистолет наготове, ступила Марго. Потом Катя с включенной камерой на телефоне, и наконец Лера, которая сразу же принялась сканировать помещение на предмет электроники.

Комната оказалась большой. Очень большой. Метров сто, не меньше. Высокие потолки, уходящие в темноту, ряды стеллажей, уходящие в глубину помещения. На стеллажах — коробки, папки, какие-то приборы, накрытые брезентом. Типичное архивное хранилище, только не бумажное, а смешанное. Где-то гудел трансформатор, создавая фоновый шум, от которого немного закладывало уши.

— Похоже на склад, — сказала Катя, обводя камерой пространство. — Тут можно снимать хоррор. Прямо идеальные декорации.

— Заткнись, — бросила Марго, не оборачиваясь. — Прислушайтесь.

Все замерли. Гул трансформатора, капанье воды где-то далеко, и... еще что-то. Едва уловимое дыхание. Не человеческое. Механическое. Будто огромные легкие вентиляции втягивали и выпускали воздух ритмично, размеренно.

— Система жизнеобеспечения работает, — определила Лера. — Значит, здесь есть кислород. И, скорее всего, есть люди, которые за этим следят.

— Или следили, — поправил Глеб. — Это могло включиться автоматически, когда мы открыли дверь.

Они двинулись между стеллажами. Пыль здесь отсутствовала почти полностью, в отличие от верхних уровней. Кто-то регулярно наводил порядок. На некоторых коробках виднелись свежие следы — их недавно передвигали, перекладывали.

— Смотрите, — Лера остановилась у одного из стеллажей и посветила на полку. Там, в пластиковом контейнере, лежали стопки фотографий. Она взяла одну, поднесла к свету. — Это же...

На фотографии был запечатлен железнодорожный вокзал. Ярославский, судя по архитектуре. Толпа людей, чемоданы, поезд на первом плане. На вагоне табличка: «Москва — Владивосток».

— Поезд, — выдохнула Катя. — Тот самый?

— Похоже, — Глеб взял еще несколько снимков. На них были люди, садящиеся в вагоны, проводницы, киоски с едой, провожающие. Обычная вокзальная суета, застывшая на пленке. Но дата на обороте одного из снимков, выведенная чернилами, заставила его похолодеть: «14.10.2015».

— Это день отправления, — сказал он. — За несколько часов до катастрофы.

— Дай посмотреть, — Маргохватила у него фотографию и долго всматривалась в лица. — Вот этот, в кепке, похож на свидетеля, которого я допрашивала. А этот, с усами... Черт, у меня было его фото в деле.

— В каком деле? — насторожилась Лера.

— В деле о крушении. Меня подключили к расследованию через неделю после катастрофы. Формально — чтобы оценить, нет ли криминала. Неофициально — чтобы замять.

— И ты замаяла? — в лоб спросила Катя.

Марго бросила на нее тяжелый взгляд, но ответить не успела. Лера, которая продолжала рыться в контейнере, вдруг вскрикнула и отшатнулась, будто увидела привидение.

— Что там? — Марго мгновенно вскинула пистолет.

— Вот это, — Лера трясущейся рукой указала на дно контейнера. Там, под слоем фотографий, лежал ноутбук. Старый, потрепанный, с наклейкой «Hackathon 2015» на крышке.

— Это мой, — голос Леры сел до хрипоты. — Который украли в поезде. Я его узнаю из тысячи. Я сама клеила эту наклейку. И царапина на углу — я уронила его за неделю до поездки.

Она осторожно, будто боясь, что ноутбук взорвется, достала его из контейнера, открыла крышку. Экран был мертв, но на клавиатуре, между буквами, застряли крошки печенья, которое она ела в ту ночь.

— Этого не может быть, — прошептала Лера. — Но это он. Это точно он.

Марго подошла ближе, посмотрела на ноутбук, потом на Леру.

— Ты ехала тем поездом?

— Да, — Лера подняла на нее глаза. — Я должна была выступать на хакатоне во Владивостоке. Это была моя первая серьезная поездка. Я села в поезд вечером 14-го. А утром 15-го...

— Поезд сошел с рельс, — закончил за нее Глеб. — Рано утром 15-го. Примерно в 5:47.

— Я не помню, — Лера покачала головой. — Я вообще ничего не помню о катастрофе. Очнулась в больнице через три дня. Мне сказали, что у меня сотрясение и амнезия. Ноутбук

пропал. Программу, над которой я работала два года, украли. Я думала, что это грабеж, что кто-то просто воспользовался моментом. А он... он здесь. Семь лет.

— Не двигай его, — резко сказал Глеб. — Если он здесь столько лет, значит, это вещдок. Улика.

— Улика в чем? — Лера почти кричала. — В том, что меня ограбили и убили мою карьеру? Это улика против тех, кто это сделал!

— Успокойся, — Марго положила руку ей на плечо, но Лера сбросила ее.

— Не трогай меня! Вы не понимаете! Это не просто ноутбук. Там был алгоритм, который сейчас стоит миллиарды. Я его восстановила потом, но уже не то. Я могла быть кем угодно, а стала просто хакером на зарплате! Из-за того, что кто-то украл мой код!

Катя, забыв про съемку, смотрела на Леру с удивлением. Она привыкла видеть айтишницу холодной, расчетливой, почти безэмоциональной. А сейчас перед ней стояла обычная девушка, у которой отняли мечту.

— Подожди, — Катя шагнула вперед. — Ты тоже была в том поезде? Ты ехала 14-го числа?

— Да, — Лера вытерла слезы, которые неожиданно выступили на глазах. — А что?

Катя перевела взгляд на Глеба, потом на Марго.

— Мой отец тоже был в этом поезде, — тихо сказала она. — Он уехал в командировку 14-го. И не вернулся. Мать сказала, что он погиб. Но тела не нашли. И документов не нашли. Вообще ничего.

Глеб почувствовал, как земля уходит из-под ног. Катя — его дочь. Та, которую он искал. Та, ради которой он приехал сюда. Она стоит в двух метрах, живая, настоящая, и говорит о своем отце, который погиб. Она не знает. Она не знает, что он — это он.

— А твой отец... — начал он, но голос сорвался.

— Соболев, — Катя посмотрела на него в упор. — Иван Соболев. Ты, кстати, однофамилец? Или родственник?

Глеб молчал. В кармане лежал билет с его фамилией. Сказать? Не сказать? Если она не знает, если она считает его Иваном, а не Глебом... Значит, она не знает, что он жив. Или знает, но играет? Проклятая подозрительность, въевшаяся в кровь за годы работы с документами, заставляла молчать.

— Иван? — переспросила Марго. — А у тебя, Глеб, какое отчество?

— Борисович, — автоматически ответил он.

— Значит, разные, — констатировала Марго. Но взгляд ее остался настороженным.

Катя пожала плечами:

— Мало ли Соболевых в России. Ладно, неважно. Важно другое: мы все имеем отношение к этому поезду. Ты, — она ткнула пальцем в Леру, — потеряла там ноутбук. Ты, — на Марго, — расследовала это дело. Ты, — на Глеба, — нашел билет с датой крушения. А я потеряла отца. Это не может быть совпадением.

— Не может, — согласилась Лера. — Нас собрали здесь специально. Тот, кто это сделал, знает о нас всё. И хочет, чтобы мы вспомнили.

— Или чтобы мы друг друга поубивали, — мрачно добавила Марго.

Она отошла от них, направив луч фонаря вглубь комнаты. Там, у дальней стены, виднелся еще один стеллаж, накрытый брезентом. Она дернула за край, и ткань сползла на пол, открывая взгляду нечто, отчего у нее перехватило дыхание.

На стеллаже, аккуратно разложенные, лежали личные вещи. Чемоданы, сумки, рюкзаки. Много. Десятки. С бирками, на которых были написаны фамилии и даты. Марго подошла ближе, провела лучом по биркам.

— Соболев, — прочитала она. — Иванов. Петрова. Козлов. Ветров...

Она замерла. Ветров. Сашка Ветров. Ее напарник. Тот, кто, по ее мнению, погиб пять лет назад на задании, но вдруг объявился на видео. Тот, чей голос она слышала в трубке несколько часов назад.

Дрожащей рукой она взяла сумку с биркой «Ветров А. С.». Старая спортивная сумка, еще армейского образца, с выцветшей нашивкой «Десантные войска». Она расстегнула молнию. Внутри лежали вещи: свитер, пара носков, туалетные принадлежности, и папка с бумагами.

Марго раскрыла папку. Сверху лежал рапорт на имя начальника управления, датированный 15 октября 2015 года. Она пробежала глазами текст: «Докладываю о результатах негласного обследования пассажиров поезда №418. Установлено, что в вагоне №7 следует гражданин, имеющий при себе предмет, предположительно содержащий сведения...» Дальше текст обрывался, лист был оборван.

— Это его почерк, — прошептала Марго. — Сашка вел свое расследование. Он был в том поезде.

— Твой напарник? — спросил Глеб, подходя ближе. — Он тоже?

— Он тоже, — Марго слотнула ком в горле. — Я думала, он погиб. А он... он был там. После своей официальной смерти. И ничего мне не сказал.

— Может, потому что не доверял? — предположила Лера. — Ты же сказала, что тебя отстранили от дела?

— Отозвали, — поправила Марго. — Сказали, что дело закрыто, что нет состава, что все списано на ветхость путей. Я не спорила. Мне было плевать. Я тогда пила много.

— А ему не было плевать, — Глеб указал на папку. — Он продолжал искать. И нашел что-то, за что его убили. Имитировали смерть, а потом, видимо, добились.

— Или он сам имитировал, чтобы скрыться, — возразила Лера. — Смотри: сумка здесь, вещи здесь, значит, он был в бункере. Живой. И возможно, до сих пор здесь.

— Тот голос по телефону... — Марго сжала папку так, что побелели костяшки. — Это был он. Живой. Или запись. Но он знал, что я приду.

Катя, которая все это время молчала, вдруг подошла к другому стеллажу и взяла в руки небольшую коробку, перевязанную лентой. На коробке была наклейка: «Для Кати. От папы».

— Что это? — прошептала она, и голос ее дрогнул.

Она разорвала ленту, открыла крышку. Внутри, на слое ваты, лежала маленькая плюшевая игрушка — заяц с длинными ушами, одетый в матросский костюмчик. К игрушке была приколотая записка: «Моей доченьке. Спасибо, что ты есть. Папа».

Катя замерла, глядя на игрушку. По щекам потекли слезы, но она не всхлипывала, не рыдала — просто стояла, и слезы капали на зайца, на вату, на дно коробки.

— Он вез это мне, — выдохнула она. — Он всегда привозил мне игрушки из командировок. А эту... эту я не получила. Мать сказала, что вещи не сохранились.

— Сохранились, — тихо сказал Глеб. — Вот они. Все здесь.

Лера подошла к Кате, обняла ее за плечи. Та не сопротивлялась, только прижала зайца к груди и замерла.

Марго смотрела на них и чувствовала, как внутри закипает холодная ярость. Кто-то играет с ними. Кто-то собрал их здесь, как кукол, разложил вещи, фотографии, улики, и наблюдает. Наблюдает, как они корчатся от боли, от узнавания, от отчаяния.

— Значит, так, — сказала она, и голос ее прозвучал жестко, почти по-военному. — У нас есть минута, чтобы прийти в себя. Потом работаем. Нас четверо, и у всех есть счеты к тому, кто это устроил. Значит, мы будем искать этого человека вместе. Мы будем держаться вместе. И мы выберемся отсюда вместе. Ясно?

Катя кивнула, не поднимая головы. Лера кивнула. Глеб молча смотрел на Марго, и в его взгляде читалась не то благодарность, не то вина.

— А теперь давайте думать, — продолжила Марго. — Что у нас есть? У нас есть комната, полная вещей пассажиров поезда 418. У нас есть труп наверху и труп в коридоре. У нас есть динамическая блокировка дверей и обещание десяти комнат. И у нас есть связь — мы все имеем отношение к одной катастрофе. Вопрос: зачем? Зачем нас собрали?

— Чтобы мы вспомнили, — предположила Лера. — Тот, кто это сделал, хочет, чтобы мы восстановили события той ночи. Может, в наших воспоминаниях есть ключ к чему-то важному.

— Или он хочет, чтобы мы убили друг друга, — возразила Марго. — Потому что правда может быть опасна для кого-то из нас.

— Или мы сами — ключ, — вдруг сказал Глеб. Все обернулись к нему. — Посмотрите. У каждого из нас есть связь с поездом. Я — пассажир. Лера — пассажирка. Катя — дочь пассажира. Марго — следователь по делу. Четыре разных роли. Четыре разных угла зрения. Вместе мы можем восстановить полную картину. Если каждый вспомнит свое.

— Я ничего не помню, — отрезала Лера. — У меня амнезия на те события.

— Амнезия — это защита, — сказал Глеб. — Психика блокирует то, что не может переварить. Но память никуда не девается. Она здесь, в подкорке. Надо просто найти ключ.

— И этот ключ, — Марго обвела рукой комнату, — возможно, здесь.

Она подошла к стене, где висела большая карта железных дорог, похожая на ту, что была наверху, только более детальная. На карте красными флажками были отмечены точки — станции, мимо которых проходил поезд. И одна точка, чуть дальше от основного маршрута, была обведена жирным кругом.

— Что это? — спросила Катя, подходя ближе.

— Похоже на место крушения, — определила Марго. — Но оно не на главной ветке. Оно в стороне. Как будто поезд сошел с рельс и протатился еще несколько километров.

— Или его туда специально направили, — задумчиво сказал Глеб. — Чтобы скрыть что-то. Чтобы никто не нашел.

— Что можно скрывать в чистом поле? — усомнилась Лера.

— Не в поле. Там, судя по карте, старые штольни, заброшенные шахты. Место, где можно спрятать что угодно.

Марго прищурилась, вглядываясь в карту. Потом резко повернулась к ним:

— Мы должны туда попасть.

— Куда? — не поняла Катя.

— На место крушения. Если мы найдем его, мы найдем ответы.

— Мы в бункере, заперты, вокруг маньяки, — напомнила Лера. — Как мы туда попадем?

— Через систему тоннелей, — Марго указала на карту. — Смотрите: здесь, под бункером, проходят старые коммуникации. Метро-2, заброшенные ветки, возможно, связь с объектами

на поверхности. Если нам удастся пройти через все комнаты, мы выйдем наружу. Или найдем выход к месту крушения.

— Десять комнат, — пробормотал Глеб. — Десять загадок. Двадцать четыре часа. Это не просто игра. Это квест, ведущий к истине.

— Или к смерти, — мрачно добавила Катя, все еще прижимая к себе зайца.

В этот момент свет в комнате мигнул и погас. Красные лампы, питающиеся от аварийной сети, тоже погасли. Наступила полная, абсолютная, вязкая темнота.

— Спокойно! — крикнула Марго. — Фонари!

Они зажгли кто что мог. Лучи заметались по комнате, выхватывая стеллажи, коробки, лица друг друга.

Из динамиков, которые они не замечали раньше, раздался голос. Тот самый, с хрипотцой, принадлежавший сначала ведущему, потом его двойнику, а теперь звучащий отовсюду:

— Поздравляю, вы прошли первый уровень. Вы вспомнили, кто вы друг другу. Но это только начало. Следующая комната ждет вас. Выход — в конце зала. Не задерживайтесь. Ваше время истекает.

Голос стих. Где-то вдалеке лязгнул металл, открывая проход.

— Ну что, — Марго сжала пистолет. — Идем?

— Идем, — ответила Лера.

Катя спрятала зайца в рюкзак и кивнула. Глеб молча двинулся вперед, в темноту, к новому проходу.

Они вышли из комнаты 418, унося с собой больше вопросов, чем ответов. Но одно стало ясно: их прошлое связано неразрывно. И кто-то очень хочет, чтобы они это прошлое вспомнили. Целиком. До последней секунды той ночи, когда поезд 418 сошел с рельс.

Глава 5. Крики в темноте

Бункер, коридор между комнатами. 00:13

Они вышли из комнаты 418 в узкий технический коридор. Красные лампы снова горели, но теперь их свет казался еще более зловещим — он пульсировал, то затухая почти до черноты, то разгораясь с новой силой, будто кто-то регулировал напряжение вручную. Воздух здесь был спертый, тяжелым, с примесью металлической пыли и еще чего-то неуловимого, сладковатого, от чего слегка кружилась голова.

— Газ? — встревоженно спросила Катя, пригнувшись.

— Нет, — Лера достала из кармана какой-то миниатюрный прибор, посмотрела на показания. — Кислород в норме. Это просто запах старого бетона и ржавчины. Хотя... есть еще кое-что.

— Что? — насторожилась Марго.

— Формальдегид. В небольших концентрациях. Видимо, старая изоляция проводов разлагается. Долго здесь находиться нельзя, но час-другой продержимся.

— Отлично, — буркнула Катя. — Мало того, что тут убивают, так еще и травят потихоньку.

Она все еще прижимала к себе рюкзак, в котором лежал заяц. Игрушка стала для нее талисманом, якорем, удерживающим в реальности. Каждые несколько секунд Катя машинально проверяла, на месте ли рюкзак, на месте ли заяц. Глеб заметил это и почувствовал укол в сердце. Он ее отец. Но она об этом не знает.

— Нам нужно двигаться, — прервал он свои мысли. — Если здесь десять комнат, а мы прошли только две, то ещё восемь впереди.

— Мы вообще не уверены, что эти комнаты существуют, — возразила Лера. — Может, это просто способ запугать нас и заставить бродить по кругу.

— Тогда зачем им трупы? — резонно спросила Марго. — Зачем вся эта бутафория с вещами? Нет, здесь что-то серьезное. Кто-то потратил миллионы, чтобы создать этот бункер, собрать наши вещи, восстановить хронологию событий. Это не шутка.

— Психологическая операция, — предположила Лера. — Возможно, мы подопытные кролики в эксперименте по изучению стресса.

— Или жертвы, которых готовят к ритуалу, — мрачно пошутила Катя, но никто не засмеялся.

Коридор вывел их в небольшой тамбур с тремя дверями. На каждой — таблички: «Склад», «Котельная», «Комната отдыха личного состава».

— Куда? — спросила Катя.

Марго подошла к двери с табличкой «Комната отдыха», приложила ухо. Тишина. Потом, очень отдаленно, она услышала звук — будто работал телевизор, переключались каналы. Шипение, треск, обрывки речи.

— Там кто-то есть, — шепнула она.

— Или что-то работает автоматически, — так же шепотом ответила Лера. — В бункерах часто оставляли включенными телевизоры для фонового шума, чтобы поддерживать иллюзию присутствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.